

УЛИЧНЫЙ ТЕАТР МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ОППОЗИЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ*

О молодежных политических движениях современной России пишут много, однако это, как правило, политологические (напр., см.: *Савельев* 2006; *Данилин* 2006) или журналистские исследования. Количество публикаций, рассматривающих молодежные политизированные группы в этнографическом и социально-антропологическом ключе, невелико (*Топорова* 1999; *Щепанская* 2007 и др.). Данная статья частично восполняет этот недостаток. В качестве предмета исследования мы выбираем одну из важнейших составляющих деятельности молодежных политизированных субкультур – *уличные акции*.

"Акция – общая категория, формализующая виды действия в актуальном искусстве и радикальной политике. В акции способом художественного действия становятся жест, содержанием – действенная провокация и реакция на нее публики и (или) общества... Многие акции уличных протестантов независимо от их воззрений зачастую выглядят как артистические действия. Цель подобной театрализации – вызвать как можно более широкий отклик в СМИ и социуме малыми силами, за счет продуманной режиссуры, шокирующих аксессуаров; политические акционисты призывают не столько к гражданскому сознанию, сколько к их эстетическим рефлексам и просто чувству юмора" (*Десятерик* 2005).

Из приведенной выше цитаты ясно, что политическая акция рассматривается, помимо прочего, как произведение искусства, как *театрализованное действие*.

Исследование проведено на основании интервью и включенных наблюдений, осуществившихся в Москве в 2005–2007 гг. Мы посетили несколько десятков акций (шествий, демонстраций, митингов, пикетов), бывали на собраниях и неформальных мероприятиях молодежных политических организаций. В качестве материала для анализа использовались также данные, почерпнутые из Интернета (в частности, из блогов "Живого журнала"), газетно-журнальная публицистика, документы.

Благодарим за помощь наших экспертов, ознакомившихся с черновым вариантом статьи и высказавших замечания: П. Жеребина (Национал-большевистская партия – далее НБП), П. Ковалева (Союз коммунистической молодежи – далее СКМ), С. Лапшина (активист ультраправого движения), И. Пономарева ("Левый фронт"), А. Шалимова ("Авангард красной молодежи" – далее АКМ), С. Шаргунова ("Ура!"). Особая благодарность – А. Цветкову (бывшая БП) и В. Виталису за помощь в формулировке темы. Суждения экспертов по частным вопросам могут не совпадать с нашими суждениями.

В качестве теоретической базы для исследования выбрана концепция социальной драматургии И. Гофмана (*Goffman* 1969; 1994; *Гофман* 2000). Эта концепция удобна для рассмотрения городских уличных самопрезентаций (напр., см.: *Кудрявцева* 2001). Под "театром" мы здесь, следуя за И. Гофманом, понимаем действия, предполагающие самопрезентацию группы и ее идей для определенного "зрителя"; эта самопрезентация может производиться при помощи особых "декораций" и "реквизита", по составленному заранее более или менее строгому сценарию.

На основе политической ориентации можно выделить пять типов молодежных политических движений: 1) проправительственные или неопозиционные ("Наши", Рос-

Дмитрий Вячеславович Громов – кандидат психологических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: gromovdv@mail.ru

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-00175а).

сийский союз молодежи, "Молодая гвардия", "Россия молодая", "Местные" и др.); 2) левые (АКМ, СКМ, "Левый фронт" и др.); 3) либерально-демократические ("Оборона", Молодежное "Яблоко", Московский молодежный "Союз правых сил" и др.); 4) ультраправые (Движение против нелегальной иммиграции и др.). 5) державные (Евразийский союз молодежи, Союз молодежи "За Родину!" и др.).

Если распределить данные блоки на шкале "проправительственные – оппозиционные", то левые и ультраправые могут быть помещены в глубокой оппозиции; державные и либерально-демократические также оппозиционны, но находятся в сравнительной близости к "официальному", проправительственному уровню.

Отдельного рассмотрения заслуживает НБП, которую вряд ли можно зафиксировать в какой-либо конкретной точке поля. Возникнув в середине 1990-х годов как проект, совмещающий коммунистическую и националистическую платформы, НБП неоднократно вступала в блоки с организациями самой разной направленности, последовательно сохраняя при этом оппозиционность.

Как будет указываться далее, местоположение групп на оси "проправительственные – оппозиционные" значительно влияет на их имидж и деятельность. В рамках данной статьи мы рассмотрим только оппозиционные движения, а о проправительственных будем упоминать только для противопоставления, чтобы лучше выявить специфику оппозиционности.

Акции необходимо разделять на *обычные* и *акции прямого действия* (термин, вошедший в оборот с подачи НБП). Обычные акции проводятся с разрешения властей, без нарушения закона. Акции прямого действия, наоборот, предполагают противозаконность. "Основными видами протестных акций прямого действия являются несанкционированный митинг (пикет, шествие), перекрытие транспортных магистралей, блокирование работы различных учреждений, мирный захват кабинетов различных чиновников (всего административного здания), прорыв милицейских кордонов во время массовых акций, нанесение агитационных лозунгов на административных зданиях, вывешивание агитационных транспарантов (флагов) на административных (жилых) зданиях, продуктовый "терроризм", срыв массовых мероприятий политических противников. Безусловно, возможны и другие варианты" (Савельев 2006: 243). Акции прямого действия, как правило, производятся именно оппозиционерами.

Одной из основных характеристик "театра" уличных молодежных акций, как нам кажется, является его экстремальность. Любая акция в большей или меньшей степени предполагает **конструирование экстремальности** для ее участников.

Неправильно было бы рассматривать акции исключительно как уличное действие – в действительности это достаточно длинный процесс, предполагающий определенные действия *до*, *во время* и *после* уличных действий. В течение всех этих этапов формируется и поддерживается состояние экстремальности, что выражается в манипулировании контркультурной символикой, в провоцирующем поведении, в нагнетании обстановки опасности и др. Чем меньше количество участников и больше фрустрирующих факторов – тем акция экстремальнее. Конечно, конструирование экстремальности значительно более типично для оппозиционных течений. Противопоставление себя существующему политическому режиму обеспечивает таким движениям атмосферу героического трагизма, привлекающую молодых людей определенной категории; в организационном документе НБП говорится: "Партия обещает вам, парни и девушки, жизнь, полную героизма и приключений, жертвенности, гордую и сильную жизнь и героическую смерть" (цит. по: Лимонов 2004: 510).

Проправительственные движения также (хотя и меньше) стремятся создать на своих акциях атмосферу экстремальной романтики, в то время как посылы, категории, которые они презентуют, связаны с лояльностью, добропорядочностью, позитивностью.

Склонность к экстремальному поведению, как нам кажется, типична для молодежного возраста (Громов 2007а); участие в политических организациях (как, впрочем, и во многих других молодежных объединениях) во многом обусловлено именно тягой к экстремальности. При проведении акций актуализируется еще ряд психосоциальных качеств, обусловленных возрастным развитием, в частности, типичная для молодежи склонность к игровой деятельности.

Стоит отметить, что "театральность" уличного действия традиционно более развита у левых оппозиционеров; по высказыванию одного из наших информантов, "крайне правые – им бы больше подраться, морду кому-нибудь набить, а вот театрализованные акции – типичны для леваков".

При рассмотрении современных молодежных акций в культурно-историческом контексте можно выявить довольно большое количество прототипов: западные традиции уличного протеста; латиноамериканская революционная эстетика; советские демонстрации; уличные политические самопрезентации в конце 1980-х–1990-е годы; концептуальное искусство; рок-культура и практики проведения рок-мероприятий; самопрезентации спортивных фанатов.

До акции. Создание пространства экстремальности начинается задолго до акции. Собственно, как мы уже говорили выше, примыкая к тому или иному политическому движению, молодой человек уже по умолчанию дает согласие на экстремальную деятельность, свойственную данной группе: он в общих чертах в курсе взаимоотношений группы с властью, с противоборствующими группами, знает специфику субкультурной деятельности.

Ключевым моментом при организации акции является ее **регистрация**. Если не нарушаются условия проведения зарегистрированной акции (ФЗ 2004, ст. 4, 5, 7), милиция сохраняет нейтралитет или даже оберегает участников от возможных эксцессов, даже если это радикалы. Никак не регистрируются акции прямого действия. Они – наиболее экстремальны и чреватые неприятностями для участников.

Характер акции определяется, помимо прочего, **датой** ее проведения. Как правило, мероприятие привязывается к какой-либо дате, значимой для движения, или же к какому-нибудь политическому поводу. Крупные акции обычно проводятся в выходные, что позволяет мобилизовать большее количество участников.

Подготовка к акции предполагает определенную экипировку (по Гофману, подбор *реквизита*). Для активистов большинство из перечисленных ниже правил является само собой разумеющимся: 1. Нельзя брать с собой ничего, что можно было бы расценить как оружие. 2. Нельзя брать с собой алкоголя, нельзя пить во время акции. На акциях мы действительно не видели ни пьющих, ни пьяных – если кто-то и потреблял алкоголь, то, как правило, за пределами акции и большей частью это были люди случайные. 3. Не рекомендуется брать с собой деньги и ценности – их можно лишиться при задержании. 4. Не рекомендуется носить с собой рюкзаки. Наши информанты мотивировали этот запрет тем, что в рюкзак при задержании легко можно подложить наркотики, оружие или какие-либо другие компрометирующие предметы. 5. Накладываются ограничения на использование мобильного телефона: считается, что с помощью специальной аппаратуры можно подслушивать не только разговоры по нему, но даже разговоры, происходящие рядом с выключенным телефоном. Говорят, что как минимум, по телефону (даже выключенному) можно определить его местоположение. Поэтому по телефону стараются говорить осторожно, а при акциях прямого действия мобильники иногда обесточивают. 6. Участник акции на случай задержания должен быть готов отвечать на вопросы так, чтобы нанести минимальный ущерб и себе, и товарищам. Для тех, кто не слишком "засвечен" в правоохранительных органах, подходит "легенда" типа: "Случайно проходил мимо, увидел, из интереса подошел поближе; задержан случайно, вместе с остальными; никого и ничего не знаю".

В целом участник акции должен быть неуязвим и мобилен. Его можно сравнить с солдатом, вышедшим для выполнения боевой задачи. Избавляясь от лишних вещей и денег, одеваясь в теплую и практичную одежду, материально и психологически готовясь к возможному задержанию, покидая дом с его уютом и стабильностью, молодой человек переходит в экстремальное пространство акции, предполагающее специфические "боевые" состояния напряженности, бдительности, тревожности и инструментальной агрессивности.

Время **накануне акции** уже предполагает экстремальность. Многие приезжают для участия в мероприятии из других городов. Бывают случаи, когда власти препятствуют приезду и снимают активистов с транспорта. Опасность подстерегает не только тех оппозиционеров, кто едет издалека, но и тех, кто живет рядом. Нам доводилось слышать, как лидер радикальной партии советовал рядовым членам накануне грядущей акции не ночевать дома. Рекомендация мотивируется тем, что по месту жительства активисты могут быть задержаны милицией или ФСБ.

Одним из важнейших факторов силы и безопасности участника политических акций является его **юридическая неуязвимость**. Активист должен быть компетентен в законах (особенно в тех, которые касаются его прав как участника политических действий) и уметь применять свою компетентность на практике (Пособие 2005; Савельев 2006: 243–264). Юридическая неуязвимость – характеристика опытного оппозиционера: есть активисты, которые задерживались милицией не по одному десятку раз, однако избежали тюремного заключения.

В ходе акции. И. Гофман, рассматривая действия, связанные с публичной самопрезентацией, отмечает необходимость наличия "зрителей", использование для спектаклей определенных "декораций" и "атрибутов". Рассмотрим, как эти составляющие проявляются в рассматриваемых нами уличных политических акциях.

Акции данного типа никак не являются "искусством для искусства". Напротив, это действия, призванные донести до общества тот или иной политический посыл. Поэтому организаторы политических акций нуждаются в **зрителях**; причем, чем больше этих зрителей, тем лучше. Зрителями уличного спектакля являются **средства массовой информации**, которые и призваны донести информацию об акции до читателей, зрителей, слушателей. Поэтому представители СМИ на акциях – самые желанные гости. Во многих случаях успех акции зависит не от ее длительности и размаха, а от того, насколько полно она будет представлена в СМИ. Для этого достаточно, чтобы журналисты успели зафиксировать правильно выстроенную "картинку", получить эффектную информацию.

Декорации уличной акции – это городской ландшафт, в котором она происходит. Мы хотим уделить особое внимание такой важной "декорации", как сотрудники властных структур, присутствующие на акции. Речь идет о милиции (в том числе, ОМОНе), работниках ФСБ, солдатах внутренних войск (далее всех этих людей, олицетворяющих власть, мы будем условно называть **милицией**). Потенциальная конфликтность с милицией типична для оппозиционных группировок; члены проправительственных движений и акций вступают в конфронтацию с милицией крайне редко (например, в ситуациях, когда члены этих движений вторгаются в зоны проведения акций оппозиции).

Как говорилось выше, позиция милиции обусловлена прежде всего тем, разрешена акция официально или нет. Если разрешена – милиция оберегает участников акции от всевозможных эксцессов. Но экстремальность для участников не исчезает – в обмен на лояльность и защиту со стороны милиции они обязаны соблюдать правила проведения акции: не выходить за официально разрешенные территориальные и временные рамки мероприятия, не отступать от его формата (например, если разрешен митинг – не пытаться устроить шествие), не допускать действий, которые могут быть расценены как незаконные (ФЗ 2004, ст. 5–7).

Как правило, участники акций ведут себя по отношению к милиции подчеркнуто корректно, реализуя при этом упоминавшийся выше принцип юридической неуязвимости. В случае появления в поле акции представителей противоборствующих группировок или же людей, ведущих себя провокационно и предосудительно, таких людей тут же сдают милиции. Лично воздействия на провокаторов, как правило, не оказывают, предпочитая выставить их перед властями как правонарушителей, а себя, наоборот, как законопослушных граждан.

Милиция в большинстве случаев стремится к осуществлению упреждающих действий для предотвращения конфликтов: происходят разграничение и изоляция потенциально конфликтных групп, удаляются люди, ведущие себя неадекватно. Заслоны милиции, ОМОНа или солдат внутренних войск (а часто, всех этих категорий одновременно), спецтехника (водометы, машины для задержанных), турникеты-металлодетекторы – неременный антураж оппозиционной акции, декорации, придающие действию дополнительную экстремальность.

Еще одной "декорацией" экстремального спектакля уличной акции могут стать **противоборствующие молодежные группировки**. Молодежным сообществам вообще свойственно стимулирование межгрупповых конфликтов (между уличными компаниями, между неформальными сообществами и др.); "юношеские группы и их соперничество – всеобщий факт человеческой истории" (Кон 1989: 142). Политизированные молодежные сообщества исключением не являются: здесь наблюдаются как устойчивые противостояния, так и временные конфронтации между группами. Наиболее часты противостояния между группами, стоящими на антагонистических политических платформах: между левыми и ультраправыми (антифашистами и националистами), между проправительственными и находящимися в глубокой оппозиции. Бывают и случаи, когда противодействие, основанное на соперничестве, возникает между идеологически близкими группировками.

При проведении уличных акций (особенно, немногочисленных) не исключено появление агрессивно настроенных групп-противоборцев. Иногда нападающие – это небольшая группа, не способная нанести решающего ущерба самому мероприятию, но готовая напасть на сопоставимую по размеру группу и ищущая конфликта на периферии акции. Экстремальность акции подогревается не столько реальными нападениями групп-противоборцев, сколько ожиданием таких нападений; нами наблюдались случаи, когда участники акций утверждали, что "видели" противоборцев, даже если их реально не было. Участники акций стараются не подпускать противоборцев в пространство проведения акции. Происходит поиск представителей групп-противоборцев, которые воспринимаются как провокаторы (часто активисты противоборствующих групп хорошо знают друг друга в лицо и по имени). Вообще, стоит сказать, что любые нежелательные люди, оказавшиеся в пространстве акции, как правило, воспринимаются как "провокаторы".

Для создания пространства акции используется определенный **реквизит**. С помощью реквизита, во-первых, конструируется идеологический и информационный посыл, осуществляемый группой, а во-вторых, осуществляется субкультурная самопрезентация. Реквизит, *презентующий идеи* уличной акции, – это прежде всего транспаранты, лозунги и прочие предметы наглядной агитации, несущие словесную и образную информацию. К предметам *субкультурной самопрезентации* можно отнести все, что несет групповую символику – прежде всего, знамена – основной объект, по которому та или иная группа узнается на улице, во время акции. В качестве реквизита можно рассматривать элементы *внешнего вида* активистов и прежде всего *одежду*.

В целом можно сказать, что одежда каждой конкретной группы отображает ее систему ценностей, в частности, культурный прототип, которому группа следует. Закономерности выбора одежды в целом верно подмечены в следующей цитате: «Современные радикалы ... любят использовать в гардеробе элементы одежды рабочего

класса – клетчатые рубашки, старые джинсы, тяжелые ботинки на толстой подошве. Порой символом левых идей могут служить костюмные атрибуты социалистических "братьев" по убеждениям – черно-белый палестинский платок или серая хлопковая куртка китайского крестьянина, очки и бандана в духе Че Гевары. Консерваторы (члены проправительственных и оппозиционных правых организаций. – Д.Г.), напротив, предпочитают солидные и дорогие вещи, не стесняясь появляться на публике в брендовых вещах» (*Вайништейн* 2004: 94–95). Для личной самопрезентации активно используются надписи-лозунги, портреты знаковых личностей и др.

В одежде оппозиционных молодежных организаций сильно влияние военного стиля. Причем это стиль скорее даже не военного – солдата или офицера, а "городского партизана". Как уже говорилось в приведенной выше цитате, среди молодых оппозиционеров популярна одежда (брюки, куртки, жилеты, футболки) камуфляжная и цвета хаки, с воензированными нашивками и надписями, а также ботинки военного образца (в частности, берцы).

В одежде оппозиционных групп молодежи преобладают черные и темные тона, в одежде проправительственной молодежи – светлые. Такая закономерность явно не случайна. Темные цвета соответствуют эстетике скрытости, угнетенности, партизанской борьбы, смерти (вспоминается программный лозунг НБП: "Да, смерть!"). Светлые тона, напротив, демонстрируют открытость, легальность, респектабельность, позитивный настрой. Один из способов создания экстремальности через одежду – закрытие лица во время акции. Для этого используются платки (в том числе с революционной символикой), "террористические" маски с прорезями для глаз, марлевые повязки. Наибольший интерес к субкультурной одежде проявляют новички. Более опытные участники оппозиционных движений стараются одеваться в "обычную" одежду, следуя принципу юридической неуязвимости.

Стратегия и тактика уличной акции предполагают наличие общей концепции поведения в ходе акции. Для акции (прежде всего предполагающей многолюдность) первостепенное значение имеет **численность** участников. "Если отказ освещать малочисленные оппозиционные выступления редакции подконтрольных СМИ могут объяснить маргинальностью протеста, то невнимание к многотысячным выступлениям оппозиции таким образом аргументировать невозможно" (*Яшин* 2005: 17).

Увеличение численности может быть достигнуто с помощью ряда приемов: 1. Привлечение к акции иногородних участников. Многие политизированные молодежные организации имеют большое количество отделений в различных регионах. Часто для участия в ответственных акциях (например, в первомайских демонстрациях) съезжаются региональные представители. С точки зрения действенности акций, они на порядок эффективнее, когда проводятся в Москве или Санкт-Петербурге, поэтому активисты из регионов часто перебрасываются в столицы (вообще, молодые политические активисты часто ездят на акции в другие города). 2. Встраивание в уже существующие протестные движения. Так, активисты молодежных движений принимали участие в массовых протестах против монетизации льгот (2005 г.), реформы ЖКХ, обмана вкладчиков и др. 3. Создание коалиций. Сравнительно немногочисленные группы объединяются для проведения акций. При этом формируется оргкомитет мероприятия, распределяются функции, определяются доли финансового участия и т.д. Традиционно единым фронтом выступают идеологически близкие группы. 4. Проведение "перехватывающей" акции. Собственную акцию можно провести в рамках чужого мероприятия, с помощью яркого и запоминающегося действия перетянув на себя внимание СМИ. В этом случае для собственных целей используются ресурсы организаторов. Особенно экстремален для участников (но, в то же время, и особенно эффективен с точки зрения пиара) случай, когда "перехватывающая" акция совершается на мероприятии группы-противоборца.

Вопреки распространенному мнению, административные и финансовые ресурсы для увеличения численности участников акций оппозиционными молодежными движениями применяются редко.

Закон выделяет несколько **типов уличных акций** – *демонстрацию, шествие, митинг, пикетирование* (ФЗ 2004, ст. 2). Каждый из этих типов имеет свою стратегию и тактику, свои приемы и способы юридической самозащиты. В реальности типология акций не ограничивается четырьмя перечисленными категориями, отраженными в Федеральном законе. Например, выше упоминались *перехватывающие акции* (PR-маневры). При акциях такого типа происходит встраивание в мероприятие группы-противоборца и перетягивание внимания СМИ на себя. Так, распространенным приемом является вывешивание собственных лозунгов (обычно с зажиганием фаеров, привлекающих внимание) во время чужих массовых мероприятий.

В наиболее чистом виде "театральность" молодежных уличных акций видна в *театрализованных акциях*. Такие акции предполагают проведение небольших уличных спектаклей, артистических представлений; действия участников акции предполагают игровой характер. При этом широко используются маски, костюмы и прочий реквизит, разрабатываются сценарии. Театрализованная уличная акция часто представляется в виде перфомансов (англ. *performance* – "спектакль") и хэппенингов (анг. *happening* – "случай, событие"). Эти два типа акций различаются тем, что перфоманс представляет собой собственно спектакль, зрелище, предполагающее разделение на исполнителей и зрителей; в хэппенинге же зрители вовлекаются в спектакль, становятся вольными или невольными его участниками.

Пример перфоманса: в 2004 и 2005 гг., во время шествия сил левой оппозиции к Телецентру "Останкино" (проводится ежегодно в конце июня), молодые коммунисты несли гроб с положенным в него телевизором. По окончании мероприятия и гроб, и телевизионный аппарат были разбиты. Данной акцией выражался протест по отношению к политике представления информации через телевидение.

В качестве примера хэппенингов, как нам кажется, можно рассмотреть такие формы акций как "продуктовый терроризм" и нанесение ударов цветами (и то, и другое часто практиковалось в 2000–2004 гг. активистами НБП). В первом случае в известных людей, по каким-либо причинам заслуживших порицание, метались продукты питания; во втором – их хлестали по лицу букетами цветов. Эти виды акций можно расценить как хэппенинги потому, что, помимо делателя акции, в нее оказывается вовлечен еще, как минимум, один человек – жертва. Обычно такого рода акция осуществляется в присутствии СМИ, что не дает жертве возможности избежать "спектакля"; она вынуждена включиться в действия и "играть" по правилам, навязанным инициатором акции. Обычно жертва – это высокостатусный, всем известный человек, что делает "спектакль" с его участием особенно зрелищным. Например, когда молодой нацбол метнул в видного чиновника В., выступающего со сцены, пакет с майонезом, тот спустился в зал и ударил юношу, которого к тому времени уже держали за руки охранники, ногой в голову. Своими действиями В. вывел акцию за рамки сценария и придал ей дополнительные смыслы; своим явно необдуманным, импульсивным поступком он еще больше усилил протестный пафос, который первоначально закладывался в акцию ее участниками.

Границы двух жанров – перфоманса и хэппенинга – размыты; иногда акция, начавшись в формате перфоманса или обычной акции, может принять неуправляемый характер и вовлечь сторонних участников.

Для театрализованной акции первоочередное значение имеет замысел – он должен быть ярким, емким и символическим. Хороший сценарий должен формулироваться кратко и, как правило, быть смешным; изложение замысла акции должно быть сходно с пересказом анекдота. Приведем несколько примеров удачных, на наш взгляд, замыслов театрализованных акций. В 1999 г. в одном из городов Югославии "20 активистов гуляли по местному парку с лупами в поисках президента Югославии" (*Чимирис*).

В июле 2004 г. несколько активистов партии "Родина" провели около дома Б.А. Березовского акцию "Посади березу!", вручив представителю олигарха билет до Колымы. Перечисленные акции были незначительны по масштабу, и, возможно, не все их можно расценивать как удачные уличные спектакли, однако благодаря удачным формулам сценариев они запомнились и упоминаются в публикациях до сих пор.

Как особый элемент акций можно рассматривать *прорыв* – силовое преодоление заслона милиции. Прорыв – экстремальное действие, связанное с нарушением закона. Оно может повлечь за собой серьезные репрессии. В большинстве случаев задержанные в ходе прорыва отделяются незначительными наказаниями, а иногда это и вовсе сходит с рук. Участие в прорывах, как и в других видах акций прямого действия, представляет собой своего рода экстремальную лотерею – участник может быть выхвачен милицией из толпы, но в большинстве случаев уходит безнаказанным. Чаще всего это действие выглядит так: "Прорыв планируется заранее – подбираются участники, составляется план действий. Те, кто направляется на прорыв, за секунды группируются или в "свинью", или в "коробку" и идут на оцепление – шагом или бегом, в зависимости от количества ментов" (Из интервью).

Захватом называется акция прямого действия, связанная с проникновением в то или иное здание. Как правило, при "захвате" участники акции закрепляются в одном или нескольких помещениях здания, после чего заявляют о своих политических требованиях.

В ходе акций используются разного типа показательные действия, **тактические приемы**. Нам не довелось зафиксировать ни одного случая использования песен в ходе молодежных уличных акций. Зато крайне широко используются **речевки** (Громов 2007б). Особенно широкое распространение они получили в левых молодежных движениях; следуя с одной из леворадикальных политических групп во время шествия, мы установили, что ее речевочный репертуар составил около 30 текстов. Речевка является рупором, выражающим мнение группы. Политизированная молодежь с помощью речевки декларирует собственную позицию по тем или иным вопросам, транслирует собственные идеи. Слаженное скандирование и широкий репертуар речевки работают на престиж самих скандирующих и сообщества (направления), которое они поддерживают.

Совместное исполнение речевки – сильный сплывающий фактор. Экстатическое состояние, которое возникает при совместном исполнении речевки, закрепляет чувство единения и усиливает самоидентификацию молодых людей как членов группы. Особенно остро единение с группой переживается перед лицом опасности, а речевочные практики часто предполагают именно экстремальность ситуации, наличие опасности, присутствие внешней угрозы. Хорошо организованный и вооруженный большим репертуаром коллектив скандирующих может действовать в уличных условиях слажено и эффективно, оперативно подбирая речевки согласно ситуации.

Иногда в ходе акций используются ударные музыкальные инструменты – нам известны случаи использования барабанов, изготовленных из металлических бочек и свистков. И барабаны, и свистки – инструменты ритмической группы. Так же, как и в вербальных жанрах выбор участников акций – за речевками, а не песнями, так и музыкальные инструменты выбираются ритмические, а не мелодические. Можно сказать, что уличным акциям свойственен ритм, а не мелодия.

Исполнение речевки часто сопровождается определенной жестикულიацией; типичный для уличной акции жест – правая рука, сжатая в кулак, выкинута вперед и вверх.

Практика уличного политического театра включает в себя большое количество тактических приемов, которые мы не рассматриваем в рамках данной статьи. Стоит отметить, что приемы акции объединены тем, что они, как правило, носят ненасильственный характер (помимо прочего, это обусловлено принципом юридической неуязвимости). Если кто и получает физический ущерб в ходе акций, то только их участни-

ки. В качестве исключения можно назвать агрессивные действия (драки, нападения) правых радикалов, как правило, выходящие за рамки собственно уличных политических самопрезентаций.

Заканчивая рассмотрение собственно уличных акций, необходимо упомянуть еще один их элемент – **ведущего**. Это лидер (высокостатусный участник движения) или инициативная группа, которая "дирижирует" участниками акции, направляя и координируя их действия (ФЗ 2004, ст. 5, 13). Ведущие хорошо заметны; они находятся вне толпы – там, откуда легче руководить ситуацией. Ведущие командуют группой, комментируют происходящее, лично участвуют в скандировании. Активно движущиеся перед строем скандирующих молодых людей, они иногда бывают похожи на диск-жокеев, "заводящих" тусовку. Одна из функций ведущих уличного спектакля – поддержание боевого духа активистов. Это достигается, в частности, путем создания обстановки экстремальности. Еще одна функция ведущих – не давать участникам акции скучать – они должны непрерывно находиться в состоянии азарта, куража, веселья. Поддержанию последнего способствует, например, скандирование речевок.

После завершения акции состояние экстремальности не проходит: участники акции еще должны разойтись с места события. Известны случаи, когда задержания оппозиционных активистов производились именно после акции. Кроме того, нам доводилось слышать мнение, что представители правоохранительных органов или противостоящих группировок могут поджидать активистов дома – во дворах и около подъездов (поэтому иногда рекомендуется ночевать вне дома не только накануне акции, но и после нее).

Можно проследить, какие виды театрализованной уличной самопрезентации свойственны группам в зависимости от их численности. Для *малых групп* (до нескольких десятков человек) типичны театрализованные акции (хеппинги, перфомансы). Не имея достаточных ресурсов для организации серьезного уличного действия, эти группы стараются достичь политического эффекта, ставя уличные спектакли. Для *групп среднего размера* (несколько сотен человек) театрализованные акции уже менее типичны. Театр минимализуется, а формой самопрезентации становятся шествие, митинг – действия, предполагающие демонстрацию дисциплинированности, слаженности, умения держать строй и исполнять речевки. Массовые организации действуют уже в соответствии с другими правилами. Но на настоящий момент в оппозиционной среде таких организаций нет.

После акции. Акция как "театрализованное" действие не заканчивается после того, как ее участники расходятся по домам. После этого начинается **этап осмысления, переосмысления и пропаганды результатов акции**. Полем для "продолжения" акции становится пресса молодежных политических движений и, особенно, виртуальное пространство Интернета. Интернет на настоящий момент играет важнейшую роль в деятельности рассматриваемых субкультур – существует большое количество информационных сайтов, форумов, электронных дневников и ЖЖ-сообществ, в которых осуществляется бурная деятельность – выкладывается информация, происходит внутригрупповое и межгрупповое общение и т.д.

В случае если акция удачна, на этапе обсуждения *успех закрепляется*, фиксируются ее наиболее выигрышные моменты, акцентируется внимание на ситуациях успеха; еще раз (уже на победном фоне) излагаются основные положения политического посыла. Если же имело место то или иное поражение, неуспех, осуществляются попытки *компенсировать неудачу*. Иначе говоря, производятся действия по переосмыслению событий, неудаче придается иной, противоположный смысл, она используется как повод для получения политических дивидендов. Как нам кажется, стремление к осмыслению и переосмыслению событий акции сродни типичному для мужских подростково-молодежных компаний переживанию конфликта. Изучая межгрупповые конфликты в молодежной среде, мы столкнулись с тем, что многие информанты, склонные

к рефлексии, упоминают об интенсивном групповом обсуждении итогов экстремальных конфликтов (драк). Причем в случае победы наблюдается хвастовство и высмеивание противника, а в случае поражения – поиск оправдания и моральной компенсации (что часто также сопровождается обсмеиванием). Только если такая рефлексия конфликтов в обычной молодежной среде в качестве одной из целей имеет психическую терапию (участники конфликта снимают стресс, компенсируют фрустрированность), то в молодежной политизированной среде на первое место выходит такой аспект мотивации, как получение политических дивидендов.

Сравнивая описания одной и той же акции, составленные противоположными группами, часто можно выяснить, что эти описания расходятся: каждая из сторон описывает события в том ракурсе, который выгоден для нее. Переосмыслению событий, происходящих на акциях (особенно массовых), способствует сама атмосфера этих акций. Дело в том, что человек, находящийся, например, на митинге, часто не способен составить собственного впечатления о событии, произошедшем в толпе даже недалеко от него. Такова специфика нахождения в большой группе людей, и индивид, оказавшись в такой группе, вынужден следовать законам поведения толпы – например, создавать собственное впечатление о событиях по версиям, циркулирующим в толпе. Соответственно, и описания событий, происходящих в ходе многотысячных акций, вариативны.

Один из способов получения информационного дивиденда – демонстрация ущерба. В Интернете нам неоднократно встречались фотографии активистов со следами побоев на лице и теле: синяками, ссадинами, ножевыми порезами и др.; такие фотографии сопровождаются текстами, в которых избитые изображаются как герои, потерпевшие за правду, а их противники (милиция и представители групп-противоборцев) – как олицетворение зла и несправедливости. Еще один вариант демонстрации ущерба – публикация фото, на которых изображен активист во время задержания.

Противоборствующие молодежные группировки ведут **информационную войну** друг с другом. На основных акциях, как правило, неофициально присутствуют наблюдатели от противника. Помимо прочего, они внимательно следят за ошибками, чтобы потом сделать на них акцент при информационном освещении акции.

Ошибку противника можно не только подметить и довести до всеобщего сведения, но и выдумать – например, создать постановочную фотографию или видеоролик провокационного содержания, привести высказывание анонимного политика или работника спецслужб; дописать на сайте противника компрометирующую информацию или вывесить компрометирующую картинку (осуществив компьютерный взлом) и т.д.

Среди типичных приемов, используемых в информационной борьбе, можно указать: обвинение группы-противоборца в том, что ей якобы противодействует милиция, ФСБ или некие высокопоставленные силы; обвинение в привлечении материальных ресурсов для проведения акций (оппозиционеры обвиняют проправительственные организации в использовании государственных средств, а те оппозиционеров – в работе на средства иностранных спецслужб и "беглых олигархов") и т.д.

При описании акций соблюдается принцип юридической неуязвимости; описывающие события тщательно подбирают выражения, чтобы "не сказать лишнего", не выдать какой-либо информации, которая могла бы быть использована во вред. При продуманной информационной поддержке акции могут приобретать длительный, многошаговый характер.

* * *

Подводя итоги, можно отметить следующее. Во второй половине 1990-х–2000-е годы в России сложилась определенная традиция "театрализованной" самопрезентации молодых людей в рамках политических объединений. Молодежный политический

дискурс неоднороден, и поэтому стили самопрезентации несколько различаются. Однако в целом стиль оппозиционной акции предполагает последовательное и многостороннее конструирование экстремальности.

Деятельность молодежи в рамках политизированных субкультур вообще и политических акций в частности укладывается в логику возрастного развития: политизированные объединения позволяют реализовать молодым возрастными потребности в экстремальной и игровой деятельности, в общении и др.

Литература

- Вайнштейн* 2004 – *Вайнштейн О.* "Банты, рюши, цветы и кокарды": теоретические и политические аспекты моды // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 5(37).
- Гофман* 2000 – *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
- Громов* 2007а – *Громов Д.В.* Молодежь: конструирование экстремальности // Мужской сб. Вып. 3. М., 2007. С. 67–83.
- Громов* 2007б – *Громов Д.В.* Прагматика современной молодежной речевки // *Тр. МГПУ*. Вып. 4. М., 2007. С. 148–156.
- Данилин* 2006 – *Данилин П.* Новая молодежная политика 2003–2005. М., 2006.
- Десятерик* 2005 – *Десятерик Д.* Акция // *Альтернативная культура: Энциклопедия*. Екатеринбург, 2005. С. 7–8.
- Кон* 1989 – *Кон И.С.* Психология ранней юности. М., 1989.
- Кудрявцева* 2001 – *Кудрявцева М.* Драматургия попрошайничества // *Невидимые грани социальной реальности: Сб. ст. по материалам полевых исследований*. СПб., 2001.
- Лимонов* 2004 – *Лимонов Э.* Как мы строили будущее России. М., 2004.
- Мухин* 2006 – *Мухин А.* Поколение 2008: наши и не наши. М., 2006.
- Пособие* 2005 – *Пособие для активиста: Сб. ст.* / Под ред. Л.В. Савина. Сумы, 2005.
- Савельев* 2006 – *Савельев В.А.* Горячая молодежь России. Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты. М., 2006.
- Топорова* 1999 – *Топорова А.* "Нацболы" в Санкт-Петербурге: образы и современность // *Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга*. СПб., 1999. С. 117–128.
- ФЗ* 2004 – *Федеральный закон Российской Федерации от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях"* // *Российская газета (Федеральный вып.)*. 2004 г. 23 июня.
- Чимирис* – *Чимирис Е.* Роль молодежного движения в трансформации политического режима (на примере движения "Отпор" в Сербии) // <http://www.politnauka.org>.
- Щепанская* 2007 – *Щепанская Т.Б.* "Тело" и "сила" в политическом дискурсе // Мужской сб. Вып. 3. С. 11–23.
- Яшин* 2005 – *Яшин И.* Уличный протест. М., 2005.
- Goffman* 1969 – *Goffman E.* *Wir alle spielen Theater*. München, 1969.
- Goffman* 1994 – *Goffman E.* *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt/Main; N.Y., 1994.